

В. Ю. Дунаев¹

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ДИСКУРС И ПРАКСИС

Взгляд на всемирную историю как историю культур и цивилизаций определен двойной оптикой: в одной перспективе этому взгляду открываются свидетельства устойчивости, фантастической жизнеспособности, высочайшей витальной энергии цивилизаций. Но восприятие той же всемирной истории в «обратной» перспективе свидетельствует о том, что цивили-

¹ Главный научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности» (в соавт.); «Метафизика всеединства как учение об онтологическом самоопределении человека» (в соавт.); «Онтологические основания социального познания» (в соавт.); «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Роль СМИ в консолидации казахстанского общества» (в соавт.), «Имидж политического лидера и электоральные предпочтения граждан Казахстана» (в соавт.), «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.) и др.

зации — эти суперэтнические монстры, вырастающие до гигантских размеров и запускающие свои щупальца в самые далекие области, во все медвежьи углы ойкумены, — на самом деле хрупки и подвержены всем перипетиям и сюрпризам движения по бифуркационной диаграмме.

А. С. Панарин отмечал, что цивилизационные синтезы, как и все высокосложные, рафинированные социально-культурные и духовные общности, удерживает и питает тонкая «цивилизационная ирония». Задействование цивилизациями такого неожиданного и странного механизма обеспечения своей устойчивости связано, с одной стороны, с неизбежным «моральным старением», онтологической, смысложизненной и аксиологической инфляцией этих синтезов, требующих творческого обновления, с другой — с активизацией «духовного варварства» слабых умов и слабых

характеров, «не способных сочетать и примирять разнородные начала и потому тяготеющих к процедурам упрощения и выравнивания». На основе таких процедур и возникают антицивилизационные фундаменталистские (в том числе и неолиберальные) мифы и практики социальных действий.

Главная и труднейшая проблема для всякой цивилизации, всякой этнокультурной или национально-государственной общности состоит в том, чтобы сохранять и творчески развивать собственные духовные основания, не опускаясь до фанатичного этноцентризма и фундаментализма, с одной стороны, не впадая в мондиалистскую всеядность постмодернизма — с другой, но культивируя в самой себе способность к диалогу, обмену цивилизационным опытом, стратегическому планированию собственного культурно-цивилизационного развития. Рационально понятая культурно-цивилизационная идентичность и отвечающая ей социально-политическая практика в современном мире могут и должны быть основаны не на религиозной, идеологической или этнической монолитности (апологетами которой являются группы религиозных фанатиков-фундаменталистов, идеологических доктринеров, фашиствующих националпатриотов и т. д.), а на подвижном синтезе и переопределении разнородных этнокультурных начал, на способности к критической рефлексии, самоотстранению и самоотстранению, диалогу и консенсусу, на великодушном и творческом восприятии «инаковости». Данная стратегия должна быть основана не на формальной свободе и произвольности выбора из равновозможных альтернатив, как и не на соображениях эффективности и успешности «вхождения в мировую цивилизацию», а на безотносительных критериях и абсолютных принципах выбора нравственно достойных поступков и решений.

Так называемая культурно-историческая школа выступила с методологической программой многолинейной или «полимерной» трактовки всемирной истории на основе признания множественности образующих ее качественно специфических цивилизаций. При таком подходе базовым теоретическим положением является признание наличия не единой универсальной линии (соответственно линейной логике) исторического процесса, а различных линий исторического развития, каждая из которых является относительно самостоятельной и обладает собственным, нередуцируемым к некоторой унифицированной модели историческим значением.

На основе такого подхода открывается возможность пересмотра как философии истории гегелевского типа, так и различного рода концепций локальных цивилизаций. Вопреки утверждениям Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера о том, что единой мировой цивилизации не существует, что каждая локальная цивилизация развивается собственным, неповторимым путем, хотя и проходит сходные фазы своего жизненного цикла, — можно и нужно говорить и дискутировать о *фрактальной картографии* единого планетарного поля локальных цивилизаций, общечеловеческой цивилизации с ее поливалентной логикой, волнах, морфогенетиче-

ских резонансах и ритмокаскадах коэволюции цивилизаций, детерминированной непредсказуемыми флуктуациями и эвентуальными всплесками духовно-интеллектуальной магмы коллективного бессознательного, нелинейной динамикой (позитивной и негативной синергией) процессов самоорганизации виртуальных уровней социума и т. д.

Разумеется, конструктивное решение и даже грамотная постановка такого рода проблем требуют высокой методологической культуры. Но еще более важным является понимание того, что в данном случае проблемы выбора методологии прямо и непосредственно связаны с проблемой определения собственной мировоззренческой и нравственной позиции теоретика. Не только императивом философской рефлексии и социокультурной теории, но и священной обязанностью человечества является стремление охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, «погруженное в единый образ жизни», немислимо.

Модели, описывающие морфологию локальных цивилизаций, могут также применяться и к формирующейся глобальной цивилизации. В работах, посвященных анализу процессов глобализации, используется весь спектр такого рода моделей — и жестко централизованные, или центрально-периферийные, и модели сетевой морфологии и ризоморфных образований, и модели, в которых глобальная цивилизация предстает как агломерация разделенных и изолированных локальных общностей. По всей видимости, каждая из таких моделей имеет право на существование и описывает объективно существующий срез, или уровень, или тенденцию, или вектор культурно-цивилизационного процесса. В целом же цивилизацию следует рассматривать именно как сложное единство сети взаимодействия институциональной структуры и символической ценностно-нормативной системы.

В терминах и по логике геополитики рационально мыслить о межкультурных отношениях возможно лишь в рамках той матрицы цивилизационного подхода, в которой априорно предположена логика силовых взаимодействий культур и цивилизаций по формуле Арнольда Тойнби: «Вызов — ответ». Тем самым исследование культурно-цивилизационных процессов помещаются в дисциплинарное пространство не герменевтики и трансцендентализма, диалектики и семантики, но логистики и стратегии. Соответственно философская логика как концептуально-методологическая модель выхода из культурно-цивилизационного кризиса, из противостояния культур и цивилизаций предполагает обращение к контингентным или модальным онтологиям вместо парадигматики бинарных оппозиций. Преодоление оппозиции «варварство—цивилизация» в рамках той логики, по которой развивается современный глобализационный процесс, невозможно в принципе. Запад по-прежнему смотрит на себя как на цивилизацию, а на весь остальной мир — как на

варварскую периферию. Конфликт неолиберальной цивилизации и культуры — современная форма духовного кризиса, причем постиндустриальная цивилизация в себе самой воспроизводит противоположный полюс вандализма.

Не «единомыслие», но вписывание «великих метарассказов» в игру двойных контингенций становится методологическим выходом из того тупика господствующей ныне конфронтационной логики, когда и локальный, и глобальный мир межкультурных и междивизиционных взаимодействий строится по схеме дизъюнктивного синтеза.

По праву сильного Запад может довольствоваться привычными стереотипными и тривиальными путями развития своей цивилизации, без оглядки на социальные и моральные условия успеха. Мы такой прерогативы лишены. Вместе с тем многоосновность (этносоциальное и конфессиональное многоцветье, хозяйственно-экономическая многоукладность) евразийского культурно-исторического типа вполне способна стать надежной опорой для достижения позитивно-синергетического эффекта в реализации методологически продуманных стратегий его культурно-цивилизационного развития.